

ПРЕДИСЛОВИЕ ПЕРЕВОДЧИКА

Тао Юаньмин (365–427 гг. н.э.) — один из замечательных поэтов древнего Китая. В канонических жизнеописаниях, посвященных великим китайским аскетам, содержатся некоторые примечательные сведения о нем, но больше всего дает сама поэзия, в которой зафиксирован строго определенный образ лирического героя.

Предки Тао Юаньмина были чиновниками высокого ранга, поэтому, несмотря на бедность семьи, он выбрал карьеру государственного служащего. Однако чиновничья служба в стране пышных ритуалов и церемоний показалась ему занятием слишком однообразным. Он оставил место, которое могло бы обеспечить его жизнь в относительной стабильности существования, и возвратился домой, в село Лили, что в гористой местности Лушань. Там он безвыездно проводил свои дни, предаваясь созерцанию окружающего пейзажа и сочиняя стихи. Скромная и уединенная жизнь в глуши включала единственную страсть Тао Юаньмина, доходившую временами до гипертрофированного чувства, — страсть к вину. Это позволило исследователям называть поэта «певцом опрощенья и вина».

В китайских биографиях Тао Юаньмин изображался по преимуществу как человек, а не поэт. Это не случайно и вызвано тем обстоятельством, что классическая китайская литература выработала «стандарт» отношения к носителю лирического слова: хороший поэт не должен быть плохим человеком, «гений и злодейство — две вещи несовместные». Слабости, конечно, допускались, ибо они свидетельствовали о несовершенстве личности. Более того, в отдельных ситуациях они воспринимались как обязательный атрибут: возвышая человека, эти знаки сигнализировали о том, что на вершинах духовной зрелости он продолжает оставаться собой, а значит, сохраняет способность быть похожим на других. Простота приветствовалась — настолько, что Тао Юаньмин не без гордости мог перечислить обнаруживаемые в себе свойства, которые с этой простотой соотносились (беспечность, величавость, малоразговорчивость, самоограничения в пище и славе, умеренная любовь к чтению, скромная одежда, небогатое жилище). Декларируемая простота жизни проецировалась и на простоту словесного стиля, доказывая лишний раз, что стиль — это и есть человек в его целостном измерении. Практически все тексты поэта лишены «головокружительной» изощренности, в них нет фальшивой высокопарности, размашистого цветистого колорита, столь распространенного в дотаоюаньминской литературе. Они однозначны, что не исключает присутствия в них многомерного смысла, не всегда точно передаваемого в словах. Давно было доказано, что «пре-

ность» стихов Тао Юаньмина иллюзорна, как и «бескрасочность» произведений позднего А. С. Пушкина. За экономным использованием художественных средств стоит особая философия, трактующая поэзию не как украшенное приложение к жизни, а как мудрую и просветленную необходимость.

Поэма «Персиковый родник» — одна из жемчужин творческого наследия Тао Юаньмина. В жанровом плане ее можно назвать утопической миниатюрой, социальной фантазией в тонком эстетическом оформлении. Сюжетную основу поэмы составляет странствие рыбака из Улина по небольшой речной протоке и случайная встреча с людьми, бежавшими от бедствий циньской эпохи и, благодаря упорному труду, создавшими на обособленном локусе* земли, вдали от очагов цивилизации, свою обитель радости и света — замкнутую, огороженную, как бы выпавшую из потоков «большой» истории.

На русский язык «Персиковый родник» (точнее — «Персиковый источник») переведился трижды. В 1935 году поэму перевел ленинградский китаевед Ю. К. Щуцкий, автор объемного научного сочинения о «Книге перемен» («И-цзин»). (Судьба этого ученого сложилась трагически: в годы «большого террора» он был арестован по ложному обвинению и расстрелян.) Затем перевод поэмы осуществил академик В. М. Алексеев, основоположник отечественной научной синологии; его перевод был издан в 1958 году в цикле переводов китайской классической прозы. Наконец, в 1963 году вышел в печать новый перевод утопии Тао Юаньмина, выполненный Л. З. Эйдиным. В строгом смысле слова лишь последний перевод следует признать полным. Он содержит две части, прозаическую и стихотворную, как в тексте Тао Юаньмина, в то время как предыдущие переводы включали только прозаическую, или — что вернее — предисловие к стихам.

Нет необходимости говорить о том, какой из русских переводов поэмы лучше или хуже. С одной стороны, не утратило актуальности суждение Л. З. Эйдина, в соответствии с которым «критик дальневосточной поэзии должен быть особенно чувствителен к достоинствам перевода <...> и в то же время уметь проявить сочувствие к неудачам переводчика в его единоборстве с иной раз очень сложным текстом». С другой — сам факт обращения выдающихся российских китаеведов к одному и тому же произведению дает повод утверждать, что «Персиковый родник» — образец «эмблематического» текста, к которому целиком применимо понятие «переводческой множественности». Эта «множественность», в свою очередь, указывает на то, что три перевода равноправно отражают различные грани оригинала, реализуя при этом собственную стратегию литературного письма.

Так, перевод В. М. Алексеева представляет собой ритмизованную прозу. Она сочетает в себе лексическую точность с особенностями стилиевой доминанты, ориентированной на витиеватость, вычурность и орнаментальность. В таком подходе есть своя логика, связанная с попыткой передать высокий стиль старого китайского текста, его отличия от обиходного языка. Тао Юаньмин прост, как мы сказали, однако его простота носит книжный характер. У Ю. К. Щуцкого, напротив, установка на разговорность превалирует, чем достигается эффект поэтической непринужденности. Л. З. Эйдин не менее точен. Его перевод первой части поэмы осуществлен в виде неполной реконструкции белого стиха. Что касается второй части, то она — проекция пятисложной китайской строки на русскую почву (безрифменный пятиударный стих с цезурой, которая делит строку на два неравных полустишия, записываемые одно под другим). В свое время Л. З. Эйдин теоретически обосновал возможность внедрения этой формы, и с его аргументами нельзя не согласиться.

* Локус — место (лат.).

Предлагаемый перевод — экспериментальный. Первую часть поэмы Тао Юаньмина мы перевели белым стихом, но записали линейно, как прозу, исходя из гибридной («прозаопоэтической») природы древнекитайского литературного языка. Белый стих вышел у нас не классическим, плавным и соразмерным, а с изредка пульсирующими перебивками, не слишком резкими, впрочем. В переводе этой части был соединен подход В. М. Алексеева (акцент на ритмической стороне текста, но без «барочной» изощренности в подборе и сочетании слов) и Ю. К. Щуцкого (простота, безыскусность изложения). Вторую часть мы перевели традиционным белым стихом, только вместо пятиударного двустушия был выбран восьмиударник, с более четким для русского слуха ритмико-интонационным рисунком.

Кроме того, наш перевод — вольный; он вольный в том отношении, что мы, не уходя от общих значений, местами для связки вводили пояснительные слова и обороты, отсутствующие в подлиннике. Это сознательный шаг, вызванным потребностью отобразить не только вещь в ее данности, но и тот гипотетический предметно-чувственный фон, ту ассоциативную картину, которая с ним сопряжена.

Буквальный перевод названия поэмы — «Персиковый источник» («Тао хуа юань-ши»). И Ю. К. Щуцкий, и В. М. Алексеев, и Л. З. Эйдлин взяли его в заголовок. Нам все же думается, что в русской языковой картине мира китайскому смыслу соответствует слово «родник». Подчеркнем, что выбор этого слова происходил не из экстравагантной попытки идти намеренно вразрез с традицией, которую установили глубокие знатоки китайской культуры, а из убежденности в том, что «родник» чуть тоньше в нюансах определяет для воспринимающей стороны значение китайской лексемы.

В эпоху «Великих начал»*, при правлении династии Цзинь**, жил в Улине*** далеком рыбак — тот, который упорным трудом добывал себе пищу простую.

В углой лодке однажды он плыл по протоке речной. Тихий плеск раздавался ажурной волны о весло, что блестело на солнце. Плыл неспешно рыбак, но, забывшись, нашел, что течением проточным отведен глубоко от Улина родного, и смутился, конечно, немало.

Вдруг заметил он дивную рощу сладких персиков в цвете. Она покрывала собою два берега буйно. Только персик на сотню шагов, а деревьев иных и не видно. Лишь душистые травы вокруг да мягкие белые хлопья — лепестки на узорной земле, с пряным запахом, в праздничном блеске. Удивился рыбак, восхитился, решив, что доплыть до конца ему нужно. Лодка двинулась дальше...

Завершалась протока речная небольшим родником, а за ним возвышалась гора. В ней был крохотный вход, из которого свет (или то, что похоже на свет) выбивался прямыми лучами. Осмотрелся рыбак, изумился в душе и, покинув ветхую лодку, осторожно проник через вход в ту пещеру, в ту странную полость... Поначалу казалась она неудобной, и узкой, и тесной, так что в ней разместиться сумел бы

* В эпоху «Великих начал» — во время династии Цзинь, при правлении императора Сяо Уди (376–396 гг. н.э.).

** Цзинь — династия и государство ее имени (265–420 гг. н.э.). Одна из Шести династий, правившая между периодом Троецарствия и эпохой Южных и Северных династий. Государство было основано военачальником Сыма Янем из рода Сыма. Династию принято делить на два периода: Западная Цзинь (265–316 гг. н.э.) и Восточная Цзинь (317–420 гг. н.э.). Сыма Янь, в строгом смысле слова, основал Западную Цзинь со столицей в городе Лояне. Восточная Цзинь была создана Сыма Жужем со столицей в Цзянькане (нынешний Нанкин).

*** Улин — местность на территории современной китайской провинции Хунань.

один человек, но и тот — постепенно, не сразу, с усилием воли. Вот рыбак сделал десять шагов по уклону, затем — еще десять и ахнул: перед ним расстиралась равнина, широкий, ничем не стесненный простор, на котором стоял дома, все в строжайшем порядке и крепко сколочены. Там увидел рыбак и поля с бороздой, и бамбуковый холм, и туты*, и озера с серебряной влагой — не опишешь всего. Все в гармонии чудной! Сеть тропинок делила пространство на мелкие части. Со дворов доносился лай псов незлобивых и слышался крик петухов разноцветных. Люди той стороны и в походке своей, и в одежде, в манерах и жестах показались ему чужестранцами. В самом деле, глядя на них, можно было прийти к заключению, что люди пришли из заморской страны. Старики убеленные были тверды, добродушны, спокойны: жизнь мирной была, без невзгод, без страданий, без лишних движений. Так дерево с кроной высокой доживает свой век у подножья горы, у источника водного, быстро текущего. А дети с пучками волос позади головы веселились и грелись на солнце, беззаботно шумели всей стаей на радость тем взрослым, кто смотрел, наблюдая их шутки, улыбаясь их добрым забавам, их нежным проказам, их легким прыжкам на мокром желтом песке.

Поражен был рыбак и вымолвить слова не мог. Так стоял и молчал, оглушенный. Но заметили люди его и сначала понять не могли, кто ж таков он, откуда, непрощеный, как набрел на дорогу, ведущую к ним?

Подожли и спросили, а он отвечал им, как было. Тогда пригласили они рыбака в дом войти, принесли угощенье, с ним вино из кувшина большого, а к вину — мясо курицы, возвращенной в чистых кормах, на отборной пшенице. Слух в деревне прошел, мол, явился незванный, и всем захотелось его повидать, перебраться словом и что-то узнать из того, что неведомо было. На вопрос о себе, говорили, что предки сбежали когда-то, опасаясь жестокостей циньских**, сюда, в это дальнее место, где и труд и покой — близнецы: не обходится труд без покоя, как покой без труда невозможен. Было страшное время, когда охватила весь мир суета разрушений, бесчинств, унижений, обмана, с которым неразлучно текли реки крови; запах смерти тревожил живое. Но судьба сохранила, и люди заселили сей благодный край и живут здесь теперь не одно поколение, не зная, что творится вовне, за пределами темной пещеры...

И спросили они рыбака, что за время на свете сейчас, как живет ему и народу. И когда отвечал им рыбак, то узнал, что ни Хань***, и ни Вэй****, и ни Цинь незнакомы для них — все загадка, пустые слова без значений. И когда рассказал им рыбак, как живет ему и народу, то вздыхали они, и скорбели их лица, и чело покрывала угрюмая складка у многих.

А затем, будто в жалость к нему, призывали отведать еду, подносили вино в тонких чарках, предлагали ночлег, с ним перину добротную, дабы уснуть мог он быстро и в снах раствориться...

День сменялся другим, проходила и звездная ночь с небосклоном открытым.

Возвратиться в Улин рыбаку захотелось. Он собрался, и люди деревни с ним проститься пришли, по обычаю скромно склонившись. А прощаясь, сказали, чтоб он сохранил тайну встречи, ни с кем не делился о том, что случилось, чему стал

* Тут, тута — тутовое дерево (бот.).

** Опасаясь жестокостей циньских — смута времен господства династии Цинь. Цинь — династия и государство ее имени (221–206 гг. до н.э.). Основатель династии — знаменитый Цинь Шихуан. Во времена его правления было начато строительство Великой Китайской стены.

*** Хань — династия и государство ее имени (206 г. до н.э. — 220 г. н.э.). Период истории Китая после империи Цинь перед эпохой Троецарствия. Основоложник династии — бывший чиновник Лю Бан.

**** Вэй — династия и государство ее имени (220–264 гг. н.э.). Одно из трех царств эпохи Троецарствия. Основателем был Цао Цао — бывший ханьский полководец.

невольным свидетелем здесь. И рыбак обещал. После — вышел, сел в лодку, поплыл мимо персиков, цветших вокруг, оставшая повсюду особые метки и забыв, что недавно еще пред людьми клялся в верности, в том, что никто из Улина не станет искать затерявшийся некогда мир.

До Улина добравшись, отправился сразу рыбак во дворец и был принят. Рассказал он о том, что увидел своими глазами. Правитель поверил и выслал военный отряд, чтоб по меткам могли отыскать вход в пещеру. Но найти не сумели — потерялись все метки — и долго блуждали. Все исчезло, как дым, как туман на рассвете, рассеялось скоро, и, руками махнув, постарались вернуться в Улин дотемна...

Ученый из Наньяна, известный Лю Цзыци, прослышав обо всем, в сердцах воскликнул, посчитав, что предстоит теперь ему держать неблизкий путь в обитель света. Не вышло ничего: ученый заболел и умер. После него никто не спрашивал о том, где «брод тут расположен»*.

Неба светлого законы
грозный Ин нарушил грубо**,
Люди добрые покинуть
государство устремились.

Ци укрылся на Шаншани,
с ним его друзья седые***.
Люди этого рассказа
тоже в путь пошли нелегкий.

* После него никто не спрашивал о том, где «брод тут расположен» — перифраз той мысли, что никто не потревожит тихого уединения. Возникновение фразы связывают с учеником Конфуция Цзылу, которого Учитель попросил узнать у двух отшельников, трудившихся в поле, где находится переправа через реку. Случай описан в «Луньюе» — «Книге Бесед и Суждений» Конфуция.

«Чан Цзюй и Цзе Ни нахали вдвоем. Конфуций послал Цзылу спросить у них, где находится переправа. Чан Цзюй спросил:

— А кто это в повозке с вожжами в руках?

— Это Кун Цю, — ответил Цзылу.

— Не луский ли Кун Цю?

— Да, он.

— Этот сам знает, где переправа.

Цзылу обратился к Цзе Ни.

Цзе Ни спросил:

— А ты кто?

— Я Чжун Ю.

— Ученик луского Кун Цю?

— Да.

— Вся Поднебесная словно бушующий потоп. С кем можете добиться перемены? Чем следовать за тем, кто избегает того или иного человека, не лучше ли последовать за теми, кто бежит от мира?

Сказав это, он продолжал без остановки рыхлить землю. Цзылу вернулся и рассказал все Конфуцию. Учитель с огорчением сказал:

— С кем же мне общаться, как не с этой человеческой толпой? Человек не может жить с животными и птицами. Имейся в Поднебесной путь, я не добивался бы с вами перемен» (гл. XVIII: 6, пер. И. И. Семененко).

** Неба светлого законы грозный Ин нарушил грубо — жестокости императора Цинь Шихуана, силой объединившего разрозненные уделы в одно централизованное государство.

*** Ци укрылся на Шаншани, с ним его друзья седые — речь идет о человеке по имени Ци Ци, который во времена императора Цинь Шихуана покинул насиженные места и скрылся вместе с тремя друзьями на горе Шаншань (недалеко от Лояна, в провинции Хэнань).

Нет и следа прежней жизни,
все угасло в одночасье.
Заросли травой дороги,
запустением объята.

Люди трудятся усердно,
зазывая всех на поле.
Солнце скроется из виду —
в дом идут они на отдых.

Там туты растут с бамбуком,
всем прохладно под листьями.
Зреет там горох с пшеницей,
урожай всегда обилен.

А весеннею порою
нити дарят шелкопряды.
И никто с трудов осенних
не берет налог тяжелый.

На нехоженных дорогах
праздных странников не встретить.
Лай собак там слышен громкий,
петухи поют там звонче.

Чаши жертвенной орнамент
сохранился там, как древность.
И одежда сохранилась,
как во времена былые.

Дети весело играют
и поют о жизни песню,
Старики седые ходят
не спеша везде с почетом.

Узнают весну там люди
по цветению деревьев,
Знаки ж осени холодной
видят по листве пожухлой.

Времени им ход неведом.
Нет для этого науки.
Но сезоны различают
без труда, легко и просто.

Если мир устроен чинно,
если радостей бессчетно,
То зачем нужна премудрость,
книга умная возможна ль?..

Пять веков промчались чудно,
незаметно пролетели.
Но в один из дней о крае
скрытом весть пришла случайно.

Чистоту и злобу вместе
роднику питать опасно.
Мир открылся лишь на время,
но теперь пора исчезнуть...

Я спрошу у тех, пытливых,
кто живет движеньем в свете,
Что известно им о месте
где нет тлена, только правда?

Мне б хотелось вслед за ветром
в небо синее подняться, —
Чтобы в облачном тумане
отыскать душевно близких!

Перевод с китайского Р. Ф. Бекметова

